

Это письмо было неожиданным. Корявые, малопрограммные строчки сообрали: «Пишет вам Ярославцев Иван Иванович, который работал комендантом НКВД по Васюгану. Помните ли меня? Прочитал в одной вашей заметке о судьбе Агафьи Самаровой. Я же многих знаю из старых жителей. Захотелось вам написать...»

По адресу на конверте пишу своего бывшего коменданта, старого знакомого. Почти три года, работая заведующим Средне-васюганского детдома, ходил я к нему отмечаться, что не бежал. Среди прочих энкаведэшников, с кем невольно довелось общаться мне, сыну спецпереселенца — «врага народа», Ярославцев запомнился как самый человечный, не склонный «придираться». Тогда я объяснял это тем, что за пьянкой этому коменданту некогда было ревностно нести свою службу. Но вот теперь это письмо...

ЛЮБОВИТСТВО, приведшее меня к двери старенькой избушки в окрестном перуэлке, вдруг сменилось сомнением: о чем теперь говорить?

Проговорили мы часа четыре. Передо мной был одряхлевший старик, в котором никак не узнавался бывший капитан НКВД. Теперь в возрасте (ему 82) добавилась болезнь глаз. «Твою заметку про Самарову еще сам прочитал. Потом вторую операцию сделали, почти совсем не вижу». Пришлось расстаться с домашним хозяйством, а то пять-шесть скотин держали с Петровной». — посетовал Иван Иванович на здоровье. Неспешно текуч воспоминания. Петровна подала к столу чай.

— Уж извиня, крепкого в доме не держим. Двадцать лет, как завязал с выпивкой и курением. После смерти первой жены, ты ее знаешь, так закрутилось похмелье, понял — в пропасть качусь под старость. Вот с Петровной сошлись, уехали с Васюганья, купили избушку. Тут и живем по тихоньку. Водкой прех заживали все коменданты, ты-то знаешь, как пили.

— Значит, вы понимали, что репрессии тех времен — это преступление против человека?

— Понимали, но об этом думать или сказать нельзя было. Разные среди нас были: одни выслуживались, из кожи лезли, чтобы побольше «врагов» арестовать, другие под страхом гибели старались остаться людьми. Были и настоящие шкурники, прабители. Помню, весь штат Васюганского райотдела — 60 человек — разом арестовали. Эту операцию приезжал проводить из окружного отдела Гришин, мы его проходимцем меж себя звали. И тогда понятным был при обысках. На моих глазах нашли НКВД Соколова ящик денег. Гришин берет пачку прищипок и отдает какой-то нищей старухе, Благодаритель! Старуха о его щедрости молву разносит, а Гришин остальные тысячи в чемодан — и домой с нарядным отсылает. Так делал он не раз. Ясно, что и другие не отставали. Забыли в Среднем в тот раз коменданта Сергеева. Его сменили Шарпило и Емельяненко. Последний был ужасный крохобор, грабил сделанных латышей и литовцев, обменивал за ве-

ро картошки золотые вещи, одежду. Мог до нитки обобрать голодных. Таким был и Данилов Алексей Иванович. Этот действовал бюрократическими методами: человек по делу отлучился из села, он ему побег навязывает, пока не откупится деньгами или вещами. Дошло до начальства, сняли его с комендантов, дали мне в помощники. Еле избавился от такого «помощничка».

— Расскажи, как вы стали комендантом?

— По дружбе своей. Приехали мы с родителями на Васюган, в Староюрган, после Февральской революции, в 17-м. Искали, где тише и хозяйствовать можно. Нас было у отца восемь-

ды со мной желанием погулять, надо же брату сделать, а сахару в доме нет. Я вылезал съездить в Новый Игол — купить сахару. Там встретил дочь Петра, записал ее показания под роспись. Бумажку спрятав, пошел под рубашку: не дай бог, увидит хозяйка — мне тогда не сдобровать. Сахару привез, поставили брату, дождался, пока поспела. Под пьянку заговорил с хозяйном о вступлении в колхоз. Думал выманить его в Новый Игол и с помощью людей арестовать. Но тут завернуло на постоялый двор начальство (как раз случилось убийство районного коменданта Никитина и началось повальное прочесывание

Никитин повелел пригостить баню, накрыть стол. Когда отправился с квартиры этой женщины в баню, то овой маузер положил под подушку, на которой потом собирался «разделять любовь». Вернулся он из бани, а хозяйка встретила его выстрелом.

Арестовали всех троих, причем нам объяснили, что все они признались в заговоре, что действовали именем эсеровской организации. Труп Никитина держали дней десять в клубе, открыв окна и двери. Наехало много начальства, придали репрессиям широкий размах. И началось доносительство: кто чего шепнул, сказал в узком кругу — все становилось известным. Это даже нас, комендантов, удивляло, хотя мы пользовались добровольной агентурой.

— Иван Иванович, я помню, как весной 56-го, когда мне вручили справку о посмертной реабилитации отца, вы поздравили меня с этим событием, достали из стола бутылку водки и предложили выпить за свободного гражданина. Тогда вы и рассказали о затоплении баржи с арестованными недалеко от Колпашева. Можно об этом подробнее?

— Возможно, я и рассказывал, но это были только слухи. Так же, как и про «остров смерти» ниже по течению от Колпашева. Никакими документами или воспоминаниями очевидцев это не подтверждено, надо искать истоки слухов. Могу зато привести достоверный случай, который до сих пор снится по ночам.

Летом 37-го довелось конвоировать баржу. Из Майска научился ее лупить, в каждой деревне собирали партии арестованных. Баржа была самая большая, что ходила по Васюгану. В трюме устроили нары в три этажа. На opravку разрешалось выводить раз в сутки. Жара, зловоние, болезни. Привезли в Колпашево — не принимают на пристани. Отправили по протоке в Тогуру, там у причала долго ждали. Ночью приехали принимающие.

— Какие самые страшные моменты были в вашей жизни?

— Когда услышал, что обвал берега в Колпашеве обнажил массовое захоронение. Живу не так далеко от того места, побежал. А там вымывают винтами самоходок кучи трупов. Проклятия людей услышал, кричать хотелось: что вы делаете? А советские глотает разве не ты помогал этому? Страшно жить после такого. Вообще жизнь обернулась сплошным страхом.

— А радости семейные есть?

— Да, изредка приезжают в гости правнуки и внуки. Из моих братьев трое погибли на фронте, остальные тоже воевали, рано умерли от ран и болезней. Один я остался. У ветеранов войны есть возможность пообщаться с молодежью, в школу ходить, а я никому не могу рассказать о себе, о своей судьбе. Что прожито — не вернуть, судьбу разве переиграешь заново? Два ордена имею — орден Красной Звезды и Красного Знамени. Только стыдиться этих орденов сегодня надо. Я ведь тоже невольником оказался, теперь до смерти раскаиваюсь нести в душе. Поверьте, нелегко.

Тяжела же ты, история Отечества моего, если мужика, сына крестьянского, повязала преступлением перед родом человеческим. И заставляла каяться перед близким смертным порогом.

Я. БАРКЕНТИН,
наш соб. корр.

сыноей. В 31-м меня, старшего сына, призвали в Красную Армию. Служил на острове Русском, на Дальнем Востоке. Вернулся домой, женился, стал к делу приобщаться в артели. Узник служил — единоличником, приехал — коллективизация полная. В армии комсомольцем стал. На учет в райком вставал — дали направление безоговорочное милиционером в Ершовку (это по Чертале, в верховьях Васюгана).

Тогда на месте Нового Васюгана была деревушка, звали ее бандитским яром. Через нее шел путь на острова среди болот, куда уходили от Советской власти банды бывших призначиков, богачей. Их и грабили в этой деревне. В 30-е годы назвали сельцо Путь Севера. А уж когда район здесь организовали, то Новым Васюганом окрестили. Меня, одного-единственного, направили охранять от преступников таежный край на сотни километров, дали полуживую клячу. Люди хорошо встретили, мужики в любой хате чаем напоят, спать уложат, если ночь прастинет в пути. Дома не жил, почти всегда в разъезде.

— Были ли случаи настоящей борьбы с преступностью?

— Самое первое дело всплывает. По Чертале жила семья Власовых, содержали они заезжий двор. Я ловил беглых спецпереселенцев по тайге, на том заезжем дворе их содержал. Набиралась группа — конвоировал до райцентра. Чтоб не разбежались, забирал и прятал их валенки, шапки, рукавицы. Куда раздетым эмшой убежишь?

Дочь хозяйна как-то проболталась мне, что отец убил несколько проезжих беглых ради их добра. Показала мне тайком трупы, спрятанные в снегу, а сама сбежала в Новый Игол. Думаю себе: как арестовать этого бандита? Петр Власов поделился одна-

района). Я и отдал им протокол допроса дочери Власова. Был прокурор и кто-то еще. Послали меня за Власовым, сами за углом пригостили повозку с конвойным. Ну, хозяйна с холду арестовали и увезли. Следом — его сына Егорку. А брат Петра заметил недоброе и сбежал на лыжах.

Мне поручили выследить, арестовать и самому доставить его в район. Власовы мне доверяли полностью, не догадываясь о моей роли. Поэтому, вернувшись, беглец от меня не таился. Помыслил мы с ним в бане, где я и уговорил его сдать добровольно. Трое суток ехали до райцентра, мой арестант караулил саки с изъятым оружием, пока я отдыхал. Оба брата были приговорены к расстрелу, а Егорка, получив 10 лет, позже был отправлен в штрафбат, на фронт, где и погиб.

Меня же после успешной этой операции направили уже комендантом в Тевериз. Хотя праматы имел три класса.

— А потом?

— Потом началось страшное, когда баржи пошли не вверх по Васюгану, как в 31-м, а вниз, набитые невинными жертвами. Толчок массовым арестам дало убийство Никитина.

— Вам что-то известно о «никитинском деле»?

— Вседозволенность замандатуры приводила иных к нравственной распухлости. Таким был и Никитин. Он позволял себе развлекаться с любой понравившейся девушкой. «Понграть» в любовь в тот раз решился с молодой медячкой — еврейкой. Работать приехали вместе с ней еще двое молодых врачей. Отвернуть домогательства начальница райотдела НКВД — значило уйт под статью, благо она всегда